

**«Блаженства, или марш веры:
размышление над переводами Андре Шураки»**

Особое место среди современных переводов Библии занимает французский перевод, выполненный Андре Шураки (1917-2007). Читая его, испытываешь глубочайшее потрясение: хорошо знакомые слова и образы словно воскресают в новой плоти и в новом сиянии. Важной особенностью этого перевода является то, что он стал итогом целой жизни, о которой рассказывается в автобиографическом романе «Сильна как смерть любовь». А.Шураки по праву можно назвать «человеком-эпохой». Он принадлежал к поколению людей, которые, уходя, безвозвратно уносят с собой целый мир - *die Welt von gestern*, по меткому выражению Стефана Цвейга.

Андре Натан Шураки происходил из семьи сефардов, он родился 11 августа 1917 года в Алжире, на перекрестке трех мировых религий: иудаизма, христианства, ислама. С детства он видел представителей замкнутых сообществ, которые пребывают в полном невежестве и с презрением относятся ко всему чужому. В семилетнем возрасте он впервые со всей остротой ощутил свое будущее призвание - стать посредником-миротворцем на перекрестке религий и культур. В 1932 году приезжает в Париж для изучения юриспруденции и иврита, одновременно знакомится с европейским христианством и исламом. В годы второй мировой войны он участвует в движении сопротивления, трагедия еврейского народа окончательно его утверждает в решимости посвятить свою жизнь сближению христиан, иудеев и мусульман. Помимо активного участия в политической жизни, он своими переводами и комментариями на священные тексты будет служить тому, чтобы приверженцы трех мировых религий глубже узнавали друг друга, чтобы по мере восхождения к самым истокам веры становилась возможной их подлинная встреча. Благодаря его переводам в начале 1950-х годов европейская интеллигенция открывает для себя произведения Байя ибн Пакуда и Саломона ибн Габироля, средневековых иудейских авторов, писавших на арабском языке. В 1953 году выходит его первый перевод Песни песней, а в 1954 году – перевод Псалтири. Работа над новым переводом Библии продолжится на земле Израиля, где он станет советником основателя и первого президента Израиля Давида Бен Шуриона, в 1965-1973 годах будет занимать пост вице-мэра Иерусалима. Его главным оружием в политической деятельности, литературных трудах, поездках и публичных выступлениях становится оружие мира.

Плодом многолетнего труда станет монументальное издание «Еврейская Библия и Новый Завет» в 26-ти томах (Desclee, 1974-1977). Второе издание выйдет чуть позже под заглавием *L'Univers de la Bible* («Мир Библии») в 10-ти томах с роскошными иллюстрациями и обстоятельными комментариями, объясняющими взгляды иудаизма, христианства и ислама. В предисловии к своему переводу А.Шураки признается, что ему хотелось вернуть христианству его исторические и духовные истоки – религию Древнего Израиля, а богоизбранному народу вернуть неотъемлемую часть его собственной истории – откровение Иисуса из Назарета.

Переводы были приняты с большим воодушевлением. Анри Мальро назвал их «грандиозным приключением духа». В 1977 году Французская Академия наградила А.Шураки золотой медалью и премией за вклад в сохранение и развитие французского языка. Одни исследователи с восторгом отзывались об этих переводах как о наиболее адекватных, «буквалистских», «модернистских», поэтических, другие же обвиняли автора в предательстве, подмене и «деградации». Как бы то ни было это плод многолетнего труда одного из величайших гуманистов нашего времени, творившего на перекрестке традиций трех религий Книги. И в этом его уникальность и непреходящая ценность.

Относительно своего переводческого метода в предисловии он, прежде всего, указывает на исключительную роль, которую в ближневосточной цивилизации во все времена играли имена собственные. Поэтому он решительно оспаривает многовековую традицию употребления общеродовых слов «Господь» и «Бог» (*Seigneur, Dieu*). Как известно, авторы Септуагинты ввели в повсеместный обиход слово Кириос, которое изначально использовалось применительно к греческим богам, обитавшим на Олимпе. Греческое слово *Theos* своим происхождением связано с именем Зевса; от него происходит и латинское *Deus*, служившее титулом римских императоров. Аналогичным же образом и латинское *Dominus* использовалось прежде сильными мира сего. Европейские *Gad, God, Gott*, как известно, своим происхождением обязаны именам языческих богов войны. Если применять их к Богу Авраама, Исаака и Иакова, Он становится одним из богов. Кроме того, само созвучие Имени Божия (Элохим, Аллах) свидетельствует об изначальной общности авраамических религий. Чрезвычайно важным А.Шураки также считал при переводе Библии сохранить ее поэтическую основу и суть. Прозаический перевод он отвергал как своего рода предательство.

Найти свой метод более всего ему помогло изучение того, как в III веке до Р.Х. раввины Александрии переводили еврейскую Библию на греческий язык, создавая свой койне. Своим переводом он фактически создаст свой язык, пытаясь прорваться к семитским истокам писаний не только Ветхого, но и Нового Завета. Во вступительной

статье труд переводчика сравнивается с трудом музыканта, которому предстоит исполнить музыку, первоначальная партитура которой утрачена, забыта. Многие ему надлежит открыть заново. Дело в том, что Спаситель и апостолы мыслили и говорили не на греческом, а на еврейском или арамейском языке. Конечно, евангелисты писали по-гречески, но мыслили при этом по-семитски. Первостепенная роль переводчика по мысли А.Шураки состоит в том, чтобы услышать и передать читателю живой голос, а не искусственные идеи, которые сложились в европейской культуре за истекшие два тысячелетия. Его главная задача – проникнуть вглубь, к первоисточкам, максимально приблизиться к реальным значениям слов и образов, очистив их от семантических наслоений позднейших эпох. Для этого ему фактически потребовалось сначала перевести Новый Завет с греческого на иврит, а затем уже на французский язык. В этом он также ощущал себя продолжателем дела составителей глоссариев и этимологий XVI века. Когда в современном литературном языке не находилось точного эквивалента того или иного слова, он его изобретал, взрывая устоявшиеся нормы французского синтаксиса, смело переплавляя лексикографический материал в амальгаму невероятных неологизмов. Под пером Шураки заглавие Книги Бытия обретает свое первозданное звучание «Во-главе», Книги Исход – «Имена», Книги Левит – «Он-взывает», Псалтири – «Хваления» и т.д. Вместо привычного слово «пророк» мы слышим слова «исполненных духом». «Гнев» он передает чем-то созвучным «ожогу», глагол «помазать» в его словаре образован от слова «Мессия», вместо «чудо, знамение» употребляется «власть», «ангел» всегда назван «вестником». Для обозначения «милосердия, благоутробия» используется неологизм, образованный от «материнской утробы», возвращающий этому важнейшему понятию коннотации еврейского слова *raham*. В устах Спасителя вместо общеродового «Бог» звучит «Элохим», вместо привычного «закон» - «Тора», книжники названы «соферим», язычники - «гоим». Итак, текст Нового Завета предстает в своей нестареющей новизне и первозданности. Все это убедительно свидетельствует о том, что не только в прошлом переводы Библии становились основой для возникновения целых языков. Без специальных комментариев непосвященному читателю трудно было бы по достоинству оценить этот великолепный лингвистический перформанс, С.С.Аверинцев справедливо назвал его «переводом для переводчиков»...

Пожалуй самый яркий пример того, как хорошо знакомые слова Спасителя в переводе А.Шураки внезапно предстают в новом свете, мы находим в Нагорной проповеди.

Многие толкователи, не раздумывая, назвали их заповедями блаженства, новозаветным аналогом десятисловия, сводом предписаний, обязательных к исполнению, если вы хотите войти в Царство Божие. Иные говорят о них как о синтезе самого

совершенного этического учения. Многие знают их наизусть, многим они кажутся удивительными. Но лишь немногие способны высказать вслух искреннее недоумение по поводу общепринятой трактовки: разве можно принять бедность, голод, жажду, преследования, все, что причиняет слезы, как источник счастья? Как убедить себя, что быть блаженным – значит стать как те нищие, голодные, обездоленные, которые почти каждый день смотрят на нас с телеэкранов? Неужели именно о таком блаженстве говорится в Евангелии?

В славянском переводе слово «блаженны» точно передает смысл греческого слова, которое содержит в себе идею счастья, наслаждения жизнью и завидного благоденствия. Но в Иудейской пустыне в устах Христа звучало слово *ашреи*, которым, кстати, начинается первый псалом. Еврейское слово «ашар» говорит не о гедонистическом блаженстве, а о блаженстве праведности. Своим происхождением оно связано с глаголом «шагать» и является скорее восклицанием изумления при виде человека, который прямо ходит пред Богом, который преисполнен динамизма и присутствия духа. Какая сила, какой дух наполняет вас, нищие и смиренные! Какая сила живет в вас, алчущие и жаждущие, плачущие, милостивые, миротворцы, гонимые!..

С таким восклицанием Господь обращается к людям, которым доступна жизнь, не связанная напрямую с богатствами и счастьем мира сего. В своем переводе А.Шураки смело употребляет нечто созвучное нашему «Вперед!», «Держитесь!», «Дерзайте!», «В путь!»

Иисус Христос не пытается донести до Своих слушателей некую абстрактную идею праведности или счастья, а решительно зовет за Собой. Этими словами Он словно открывает некое шествие, марш веры тех, кто послушен велению Духа, кто с ликованием идет навстречу высшей радости и получает окончательную награду в вечности. Итак, в переводе А.Шураки Евангелие неожиданно открывается как весть о блаженстве, которое никак не являются чем-то умозрительным или морализаторским, а определяет собой саму жизнь человека, его «хождение» перед Богом. Подлинное счастье состоит не в чувстве удовлетворенности, а в ощущении, что жизнь продолжается, что ты по-прежнему «в пути», «на марше». Черда этих восклицаний, обращенных к бедным, униженным, плачущим, миротворцам, гонимым образует собой Нагорную проповедь.

В первых главах Евангелия от Матфея мы почти не слышим голоса Спасителя: оружием Слова Божия Он отразил искушения Сатаны в пустыне, затем зовет за Собой первых учеников. Нагорная проповедь по сути дела становится своего рода инаугурационной речью Мессии. Некоторое время А.Шураки колебался между двумя вариантами перевода: «ликуйте» или «в путь». Очень важно было перевести так, чтобы

первые слова проповеди не звучали сладким утешением всем униженным и оскорбленным. Они должны провоцировать, пробуждать своим призывом встать. Таким образом блаженства задают тон всему Евангелию, они звучат торжественно как при поднятии занавеса над историей Нового Царства.

Невероятным образом одно только слово способно преобразить Евангелие в революционные призыв к освобождению. Спаситель говорит не о пассивных переживаниях человека отвергнутого и притесняемого, не о блаженном удовлетворении потребностей, а о праведности тех «простых» людей, кто готов продолжать свой путь, ведущий в Царство Элохим. Жизнь верующего человека со времен Авраама – это шествие веры, постоянный исход, странствие. В своих комментариях А.Шураки для большей убедительности напоминает государственный гимн Франции. Достаточно представить себе «Марсельезу», которая начиналась бы не призывным кличем: «Вперед, сыны Отчизны, день славы наступил!», а пассивным созерцанием наград: «Блаженны вы, сыны Отчизны...»

Как известно, евангелие от Луки и Матфея записано в 80-е годы, когда христиане становятся жертвами гонений. В этом контексте слова Нагорной проповеди опять же не могли не прозвучать как победный клич, обращенный к адептам, которых впереди ждут страдания «Сына Человеческого ради», которые пойдут до конца за своим Учителем.

Здесь мы возвращаемся к теме политического дискурса в Библии. Как известно, Римская Империя славилась либерализмом и веротерпимостью, но в разные годы под знаменем отчаянной надежды в Палестине вспыхивали мессианские движения, которые каждый раз оказывались потопленными в потоках крови. В Новом Завете упоминаются zeloty, которые были и среди самых близких учеников Иисуса Христа. Важно учитывать исторический контекст Иудеи и Галилеи – двух «горячих точек» Империи. Религиозные лидеры народа объявляют вне Закона малых мира сего, прокаженных, отверженных. Их единственное право – молчать. Просто назвать их блаженными означало бы признать, что униженные действительно должны молчать, а сильные мира сего имеют полное право обходиться с ними по своему усмотрению.

Напротив, истолковать слова Спасителя как призыв «взять власть в свои руки» было бы не менее чудовищной подменой, ибо Сам Христос никакой власти не «взял»... Тем не менее, уже начиная с этого момента, Иисус попадает в поле зрения властей как неблагонадежный. Римлян не интересуют выдвинутые позже обвинения в богохульстве, непочитании субботы и пр., но как только на Него поступает донос с обвинением в попытке узурпировать власть, незамедлительно выносится приговор Lex Julia Laesae

Majestastis. По римским законам Ему место – на Кресте, в окружении двух других бунтарей-«террористов».

Итак, блаженства звучат как объявление о мобилизации, как призыв к действию. Хотелось бы проиллюстрировать сказанное другими примерами, когда вместо традиционного «блаженны» А.Шураки употребляет «в путь!».

В 11-й главе Евангелия от Матфея рассказывается о том, как Иоанн Креститель, оказавшись в тюрьме, посылает к Иисусу своих учеников с известным вопросом. В ответ они слышат слова: «Блажен, кто не соблазнится обо Мне» (Мф. 11, 6; Лк. 7, 23). В этом месте в переводе А. Шураки звучит суггестивный ответ: «В путь, человек, который не спотыкается из-за Меня!». Выражение «в путь» удивительным образом резонирует здесь с многочисленными глаголами движения, а также с образом преткновения (по-славянски «соблазна»).

В этой перспективе совершенно по-новому звучат слова, которыми Елизавета приветствует Марию в 1-й главе Евангелия от Луки: «В путь, примкнувшая к полнейшему осуществлению сказанного ей от ИВН-Adonai» (Лк. 1, 45) (ср. в синодальном переводе: «И блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа»).

Удивительная парадоксальность Благой Вести выражена в словах Иисуса Христа по дороге на Голгофу: «Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! (Лк. 21, 28-29). Перевод А. Шураки внушает мысль о том, что уже наступает момент, когда скажут: «Вперед, бесплодные! Пробил ваш час!». В библейском контексте сомнительно прозвучали бы слова о «блаженстве» нерождавших (бесплодие было знаком проклятия). Но уже близок час, когда все, что было мертвым, оживет! Бог придет для того, чтобы превратит смерть в жизнь, то, что считалось проклятием - в источник новых благословений.

Не менее парадоксально звучат слова, которые слышит Фома и поколения христиан, которые своими глазами уже не могли видеть Спасителя: «Вперед не видевшие, но примкнувшие!» (Ин. 20, 29).

И в заключение несколько примеров из Книги Откровения Иоанна Богослова:

«Там упорство освященных, хранителей мицво Элохим и принадлежность Иешуа. Я слышу глас с неба. Он говорит: «Пиши: а сейчас вперед, мертвые, умершие в ИВН-Adonai! Истинно, говорит дыхание, они отдохнут от мук». Да, их дела следуют за ними» (14, 12-13).

(Ср. в синодальном переводе: «Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса. И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны

мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними»).

Он говорит мне: «Пиши: вперед, званые на брачную вечерю Агнца!» (Откр. 19, 9).

(Ср.: «И сказал мне Ангел: напиши: блаженны званые на брачную вечерю Агнца»).

Весть, которую стремится донести в своих переводах Андре Шураки, обладает вечной актуальностью. Единственно возможный для человека путь – это путь завета с милостью и правдой. В этом свидетельстве единоклюшны три свидетеля Завета: иудаизм, христианство и ислам. (Отметим, что в 1990 году А.Шураки также опубликовал свой перевод Корана под заглавием «Зов»). Священные тексты – живое слово надежды на то, что человек однажды сможет осуществить Божий замысел, который состоит во вселенском примирении человека с человеком и примирении с Сущим из сущих. На исходе ночи должна, наконец, воплотиться пророческая утопия о рождении нового человека, ибо новая земля уже приготовлена. Вот почему свои переводы А.Шураки предваряет горячим призывом: «Люди, братья мои, наступил момент ответить на зов любви!»